

Борзятники.

Аркадій Петрович Стояровъ, окончивъ курсъ университета, рѣшилъ отдохнуть годокъ или два у себя въ имѣннѣи. Его мать умерла вкорѣ послѣ его появленія на свѣтъ Божій, а отецъ, когда Аркашѣ было лѣтъ восемь, травя волка, упалъ съ лошади, и, ударившись головой о пеньекъ, умеръ на мѣстѣ. Воспиталъ Аркашу родной дядя, Иванъ Павловичъ Стояровъ, богатый помѣщикъ и такой же страстный борзятникъ, какъ и его покойный братъ, отецъ Аркаши. Онъ своего единственнаго сына потерялъ еще ребенкомъ отъ какой-то горловой болѣзни—умеръ въ три дня, и всю любовь перенесъ на племянника, опекуномъ котораго былъ до его совершеннолѣтія.

Аркаша каждые каникулы, пріѣзжая въ имѣніе, охотился съ ружьемъ. Съ четырнадцати лѣтъ онъ уже зналъ, гдѣ можно найти выводки тетеревей, въ какое время дня они должны быть на кормахъ. Зналъ всѣ озера, гдѣ держатся утки, умѣлъ находить стрепетовъ среди дня и умѣлъ нагонять и стрѣлять съ нагона дрофъ.

Сдавъ государственный экзамень, Аркадій Петровичъ, свободно могъ быть принятъ безъ всякаго экзамена въ любое общество охоты. Онъ былъ вполне подготовленный ружейный охотникъ по перу.

Его дядя, котораго онъ любилъ какъ отца, былъ уѣзднымъ предводителемъ; какъ человѣкъ богатый, онъ держалъ превосходную охоту. Его стая костромичей,—двѣнадцать смычковъ въ напуску,—славилась далеко между всѣми охотниками, даже за предѣлами Саратовской губерніи. А про борзыхъ и говорить нечего.

Онъ былъ, кромѣ того что любитель, но и большой знатокъ, и велъ породу псовыхъ собакъ отъ старыхъ Каракозовскихъ собакъ, красныхъ съ мазуриной и муругихъ, и отъ Мажаровскихъ—бурматныхъ и половопѣгихъ. На охоту выѣзжало своръ пять-шесть. Охотился онъ больше по своимъ мѣстамъ: въ своемъ имѣніи и имѣніи Аркадія Петровича.

Оба имѣнія были по семи тысячъ десятинъ и съ хорошими и крѣпкими отъемами. Звѣря же тогда было много, и Иванъ Павловичъ, поохотившись, за осень бралъ: штукъ 12—15 волковъ и штукъ 30—40 лисицъ, не считая зайцевъ.

— Ну, братъ, Аркадій, поздравляю тебя съ окончаніемъ курса. Теперь ты сталъ настоящимъ человѣкомъ. И пора тебѣ сдѣлаться и настоящимъ охотникомъ.

— Да развѣ я, дядя, не охотникъ? — помнишь, какъ я тебя на бекасахъ-то общелкалъ? а посмотри, что я осенью изъ-подъ гончихъ буду дѣлать. Теперь я свободенъ, какъ вѣтеръ полей, и первую охотничью осень начну подъ твоимъ руководствомъ; а ужъ ты меня натаскаешь, не захочешь, чтобы я осрамилъ родъ Стояровыхъ.

— Да, Аркадій, родъ Стояровыхъ старый, и замѣть, никто изъ Стояровыхъ не былъ шкурятникомъ, никто изъ нихъ не охотился по звѣрю съ ружьемъ,—всѣ были настоящіе охотники-борзятники.— По-моему, ружье годится для птицы: тамъ нужна все-таки ловкость,—не всякаго бекаса бьетъ и хорошій стрѣлокъ. А стрѣлять лису или зайца, по-моему, даже неприлично, это убійство изъ-за угла... Спрячется охотникъ за кустомъ и смотритъ, бѣжитъ ли на него кумушка, довольная, что отдѣлалась отъ собакъ и чувствуетъ себя спасенной. А сколько ей для этого приходилось хитрить и изворачиваться, и вдругъ—баць, и она убита. Подло это.

— Дядя Ваня, ты меня какъ будто упрекаешь, а я вѣдь еще ни одной лисы не только не убилъ, но и не видалъ; это будетъ моя первая осень.

И надѣюсь, что и не убьешь. Ты Стояровъ, и не захочешь обидѣть старика.

Конечно, милый и добрый дядя, я буду по звѣрю охот-

титься съ борзыми, а съ ружьемъ исключительно по перу.

Эту осень буду съ твоими собаками ѣздить, а на будущій годъ своихъ заведу при твоёмъ содѣйствіи.

Иванъ Павловичъ всталъ, подошелъ къ племяннику, началъ его цѣловать и прослезился.

— Дядя, милый, что это ты...

— Ничего, Аркаша, это слезы радости! свою Стояровскую кровь въ тебѣ вижу. Васька,—обратился онъ къ мальчику-лакею,—скажи Панфилу, чтобы привелъ «Наглеца» и «Отвагу». — Тотъ скрылся. Марія Алексѣевна, жена Ивана Павловича, вышла изъ комнаты.

Дядя, умиленный племянникомъ, ходилъ съ нимъ по залу, обнявъ его за талію, и говорилъ, что наконецъ онъ дождался дней, когда будетъ выѣзжать на охоту не одинъ, а съ нимъ. — Старикъ былъ настроенъ восторженно.

— Собакъ привели,—доложилъ Васька.

— Пусть сюда ведутъ,—приказалъ Иванъ Павловичъ.

— Въ залъ вошелъ Панфилъ, старый борзятникъ Ивана Павловича. На сворѣ у него были Наглець и Отвага.

Наглець—большой псовый половопѣгій кобель, около восемнадцати вершковъ въ наклонѣ. Собака была прекрасна. Сухія, какъ струны, прямые ноги заканчивались сжатой въ комкѣ лапой. Собака стояла на ноготкахъ. Хорошо затянутое ухо плотно лежало на красивой сухой головѣ съ прекраснымъ тонкимъ щипцомъ. Темные глаза отражали умъ и смѣлость. Широкая спина съ хорошей напружиной и верхомъ. Задъ былъ просторный, съ упругими черными мясами, и въ крыжкахъ укладывалось пять пальцевъ. Ребра спущены до локотковъ; вообще это была мощная и сухая собака.

Отвага—почти такихъ же ладовъ, только бурматной псовины, и, какъ сука, имѣла меньше верха. Собаки были въ разлнкѣ и поэтому не совсѣмъ хорошо одѣты, но и въ такомъ видѣ онѣ были красивы и не могли быть плохими работниками.

— Вотъ тебѣ, Аркадій, зубокъ на твои охотничьи крестины. Я тебя крестилъ у купели, я же тебя крещу и въ борзятники. Получай отъ старика подарокъ; для тебя ихъ

и подготовили. Ты молодой охотникъ, и собаки по первой осени; только что высворены; и какъ ты, такъ и они, въ полѣ еще не были,—говорилъ Иванъ Павловичъ.

— А отъ меня, Аркаша, вотъ тебѣ на память; сама вышивала ошейники,—сказала Марія Алексѣевна, подавая два вышитыхъ бисеромъ ошейника. На одномъ было вышито «Наглець», а на другомъ «Отвага».

— Спасибо. Благодарю,—задыкаясь отъ счастья, бормоталъ Аркадій, цѣлуя поочередно стариковъ.—Расцѣловавъ ихъ, онъ не удержался и продѣлалъ тоже съ собаками.

— Вотъ теперь я настоящій охотникъ,—воскликнуть Аркадій, глядя свою свору.

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ; пойдемъ на балконъ—сказалъ Иванъ Павловичъ.

Тамъ, противъ средней клумбы, конюхъ, онъ же и борзятникъ Мишка, держалъ за чумбуръ красиваго рыжаго киргиза, засѣдланнаго казачьимъ сѣдломъ.

— А вотъ это тебѣ полевикъ; ѣзда хорошая, лошадь смиренная, и приготовлена къ охотѣ вполнѣ: собакъ не задавить и не ударить, и торочиться не боится. Кинжалъ, поясъ и рогъ у тебя есть, отцовскіе,—дорожи ими.—Вотъ теперь ты—полный охотникъ.

— Дядя, дорогой, ты меня балуешь! зачѣмъ такъ много,—бормоталъ Аркадій, цѣлуя въ восторгъ довольнаго старика.

— Ну, ну, будетъ,—бормоталъ тотъ, отвѣчая на поцѣлуй племянника.— На охотѣ зато строгъ буду, ни одного промаха и ошибки не прощу, буду ругаться. А лошадию, я знаю, будешь доволенъ. Шагомъ отъ моего «Караковаго» не отстанеть, а скакать—такъ куда рѣзвѣе будетъ. Нельзя же на твоей «Мисъ-Модъ» на охоту ѣздить!.. на ней всѣхъ собакъ поломаешь... да и на лазу она стоять не будетъ; на ней только въ кавалькадахъ съ дамами щеголять, а не на охоту ѣхать.

Съ этого момента Аркадій сталъ борзятникомъ, по теоріи—какъ говорилъ шутя дядя.—Практику охоты Аркадій будетъ изучать съ осени.

Лѣтомъ Аркадій охотился попрежнему съ ружьемъ и

своей маркловкой Нормой. Но какъ только начали наганивать стаю, Аркадій не пропускалъ ни одной нагонки. Онъ ѣздилъ на своемъ «Ханѣ» — подаркѣ дяди, подѣ гончими. Отъ опытнаго псаря Якова Ивановича Аркадій многому научился. Онъ разбиралъ уже, когда гончая веда доборомъ, могъ разобраться, по чему гончія гонять: по русаку или по красному; зналъ всѣ сигналы въ рогъ и, часто забывая о ружьѣ, начиналъ входить во вкусъ этой новой для него охоты.

Первое сентября, праздникъ псовыхъ охотниковъ, Иванъ Павловичъ справлялъ аккуратно, какая бы ни была погода. Но онъ острововъ не бралъ, а выѣзжалъ въ этотъ день съ своей охотой безъ гончихъ, въ наѣздку. По звѣрю, волкамъ и лисицамъ, онъ начиналъ охотиться съ Покрова, т.-е. съ перваго октября.

Что за удовольствіе задушить молодую лисенку, съ кошку, или прибылого волченка, когда они настолько глупы, что первая вовсе не бѣжитъ, а второго любой кобель въ его охотѣ будетъ таскать чуть не въ поносѣ.

Лѣса свои. Охотиться кромѣ его никто не можетъ, и потому за звѣря можно быть покойнымъ. Волки будутъ держаться выводками, а лисы хотя и разойдутся по обыкновенію, но будутъ въ его же островахъ, и успѣютъ къ этому времени окрѣпнуть и поумнѣть. — Пріятно перехитрить и затравить умнаго звѣря, — говаривалъ онъ, — а не глухихъ щенятъ душить.

Наканунъ перваго сентября, вечеромъ, дядя зашелъ въ комнату Аркадія и засталъ его передъ зеркаломъ въ полномъ охотничьемъ облаченіи.

— Это что за маскарадъ, — спросилъ онъ смѣясь.

— Все прилаживаю, дядюшка, — отвѣтилъ, немного сконфузившись, Аркадій.

— Хорошо. Это дѣльно, — успокоивалъ его дядя. — Я самъ, братъ, какъ сейчасъ помню, когда выѣзжалъ въ первый разъ съ покойнымъ отцомъ, такъ всю ночь спать не могъ. Я зашелъ къ тебѣ передъ охотой сказать: воспитывать въ тебѣ борзятника я буду по своему способу. Скажу тебѣ всѣ главныя правила, а учителя, какъ другіе дѣлаютъ, не дамъ. Стремяннго у тебя не будетъ, а доходи до всего

своей смѣткой и умомъ. Самъ сумѣй: лазъ найти подъ островомъ... стать, чтобы звѣрь тебя не обозрѣлъ... принять въ мѣру... показать собакамъ звѣря, гдѣ нужно, замастерить... Да всего не расскажешь! разумѣется, не обойдешься безъ ошибокъ, но за то на нихъ же и научишься и будешь скоро настоящимъ борзятникомъ. Завтра ѣдемъ въ наѣздку; кромѣ русаковъ ничего не найдемъ,—погода теплая, много охотиться не будемъ. А то собаки съ лежки, еще не вымаханы и какъ разъ какая-нибудь зарѣять можетъ. Своихъ собакъ береги—осень еще впереди. Если русакъ будетъ отъ тебя далеко, лучше не сбрасывай. Потомъ, главное дѣло, помни первое правило: не сбрасывай собакъ со своры, особенно въ бурьянахъ, до тѣхъ поръ, пока онѣ не увидятъ, что ты травишь. Ты сидишь на лошади, тебѣ, конечно, виденъ звѣрь, а собака его увидеть не можетъ;—старые опытные борзые наметались,—они пойдутъ всматриваться прыжками и могутъ узреть, а твои такъ же молоды, какъ и ты, и вы вмѣстѣ будете учиться. Но надѣюсь, что къ настоящей охотѣ, и ты, и твои, опытность приобретете.

Дядя долго еще говорилъ съ племянникомъ, напутствуя его, и наконецъ ушелъ спать.

Аркадій почти всю ночь не могъ заснуть, а заснувъ, видѣлъ во снѣ, что онъ все дѣлаетъ промахи, а дядя надъ нимъ подсмѣивается. Утромъ онъ рано вскочилъ и побѣжалъ въ столовую.

— Молодецъ, во время,—говорилъ Иванъ Павловичъ, цѣлуя его.—Я думалъ—тебя будить придется.

— Что ты, дядя, развѣ это можно,—какой же я тогда былъ бы борзятникъ?!.. А денекъ-то сѣренькій. Хорошо будетъ, не жарко,—говорилъ онъ.

— Да, погода хорошая,—соглашался Иванъ Павловичъ,—поѣдемъ на Шадрину степь—тамъ русаки есть, а можетъ и лисенку захватимъ, одну бы можно на розговенье... Ты, Аркадій, держать будешь лѣвый флангъ, а я побѣду правымъ. Не торопись, ровняйся по охотникамъ, и держи немного переда,—ну, да тамъ самъ увидишь.

У крыльца стояли подсеѣдланные лошади «Туманъ» — караковый киргизъ Ивана Павловича, и «Ханъ» — Аркадія.

Въ отдаленіи, на дворѣ, около конюшенъ, стояли пять охотниковъ, каждый у своей лошади, съ собаками на сворѣ. Охотники были всѣ на саврасыхъ лошадяхъ и одѣты въ темно-желтые кафтаны.

— Атланъ! Булатъ! На,—крикнулъ Иванъ Павловичъ.— Отъ охотниковъ отдѣлились два рослыхъ половопѣгихъ кобеля, играя прирысками къ Ивану Павловичу и стали прыгать къ нему на грудь. Это была его свора;—третья, сука «Язва», рыскала за нимъ безъ своры. Онъ не любилъ путаться, держа на сворѣ трехъ собакъ, а «Язва», рыскающая за нимъ третью осень, никогда не мѣшала и не кидалась съ мѣста, а до тѣхъ поръ, пока Иванъ Павловичъ не тронется и не покажетъ звѣря, она,—по русачьи, лежала около кобелей. Онъ сталъ давать кобелямъ кусочки лепешки и взялъ ихъ на свору.

— А твоихъ что же нѣтъ?—спросилъ онъ Аркадія.

А вотъ сейчасъ и мои явятся—смотри.—Аркадій свистнулъ, крикнулъ:—«На, на, Наглець, Отвага!» и изъ конюшни съ визгомъ неслись къ нему на крыльцо его собаки.

— Это еще что за фокусы?—спросилъ, улыбаясь, дядя. Для чего ты ихъ запираешь?

— А для того, чтобы скорѣе прирыскивали. Я это каждый день продѣлывалъ, и они меня теперь отлично знаютъ. Передъ тѣмъ, какъ дать имъ прикормки, я приказываю ихъ заманить въ чуланъ на конюшнѣ, и какъ позову, то они, на мой голосъ, какъ сумашедшія, несутся.—Развѣ это не хорошо?—спрашивалъ онъ, самодовольно улыбаясь.

— Какъ не хорошо, отлично!—похвалилъ его дядя, садясь на своего Тумана.—Аркадій, взявъ на свору собакъ, легко вскочилъ на своего Хана и охота съѣхала со двора.

Пройдя съ версту дорогой, заровнялись полями. День былъ тихій и сѣрый. Солнца изъ-за облаковъ было не видно. Шли по ржанымъ нивамъ. До степи пришлось еще пройти большое озимое поле. Озимя были очень хороши: издали это былъ сплошной коверъ съ зелеными квадратами, шестидесятными десятинами, отдѣляемыми одна отъ другой сѣрыми линіями—межами съ полынью. Изъ-подъ одного бор-

зятника, съ межи, почти изъ-подъ самыхъ ногъ, побудился русакъ, и послѣ второй угонки былъ уже въ зубахъ.

Аркадій съ фланга видѣлъ и позавидовалъ, что не ему пришлось травить. Наконецъ, выѣхали на Шадрину степь. Это была громадная степь удѣльнаго вѣдомства. Часть ея пахалась, но года два была пущена подъ залежи. Настоящей травы, годной для сѣна, на ней не было—былъ бурьянъ, донникъ, кашка и лебеда, а небольшія куртинки пырея и костра попадались изрѣдка. На самыхъ межахъ и около ихъ были бобовники. Такія мѣста, какъ излюбленные для лежки русаковъ, тщательно протаптывали, а иногда и слегка прохлопывали борзятники. Фланговые, дядя и племянникъ, ѣхали одинъ отъ другого не меньше версты. Аркадію изъ-за бурьяновъ видно было дядю до половины туловища, а такъ какъ мѣстами были лощинки, гдѣ бурьяны были и гуще, и выше, то онъ временами дядю вовсе не видалъ.

Большой—въ развалъ—шагъ Хана приходилось сдерживать и укорачивать, чтобы не уйти слишкомъ впередъ отъ линіи охотниковъ.

Аркадій заѣзжалъ въ бобовники, думая поднять тамъ русака, но, къ своему огорченію, ничего не поднималъ.

Что-то травятъ. Дѣйствительно, въ срединѣ линіи одинъ изъ охотниковъ толкнулъ лошадь: Аркадію было видно, что охотникъ скакалъ сначала прямо, а потомъ повернулъ къ правому флангу на дядю. Бурьяны скрывали звѣря и собакъ и только по охотнику онъ замѣтилъ, что травля идетъ къ дядѣ. Вотъ ему видно, что и дядя тронулъ лошадь и легкимъ наметомъ повернулъ тоже вправо. Потомъ онъ увидалъ, что дядя и борзятникъ слѣзли съ лошадей.—Затравили и отбиваютъ,—подумалъ онъ.—Экое счастье! а изъ-подъ меня хоть бы что побудилось,—думалъ онъ съ огорченіемъ.

Линія опять выправилась; пошли дальше. Стали попадаться неглубокія лощинки, пересекающія степь въ разныхъ направленіяхъ. Бурьяны пошли гуще и бобовники стали попадаться чаще.

«Господи, хоть бы одного русачка поднять», думалъ онъ. Но въ это время въ линіи опять шла травля. На этотъ разъ травили ближе къ нему, и повидимому русака, такъ

какъ доносилось не «улюлю», а «ату-его». Его собаки, услышавъ травлю, стали тянуть свору и вздыбливать.

— Отрышъ, назадъ!—кричалъ онъ на нихъ. Вдругъ онъ увидалъ впереди себя, не болѣе какъ шагахъ въ пятидесяти, изъ бобовника побудилась лиса. Она, вѣроятно, спала и побудилась отъ его крика на собакъ. Огромная половая лисица кинулась всѣми ногами впередъ. — Улю-лю! — заоралъ онъ благимъ матомъ, трогая лошадь и сбрасывая собакъ. Лисица наддала и мелькала въ бурьянахъ. Ханъ, рѣзво принявъ, съ мѣста легко несъ на себѣ Аркадія. Собаки, сброшенные со своры, не видя лисы, кинулись туда, гдѣ травили русака.

Аркадій ничего, кромѣ лисы, не видалъ. Онъ улюлюкалъ и несся, какъ угорѣлый... Лицо его пылало, глаза горѣли, да онъ и самъ весь былъ, какъ въ огнѣ. «Улю-лю! Улю-лю!» раздавались его возгласы. Лисица начала забирать вправо.

Проскакавъ около полуверсты, онъ замѣтилъ, что собака около него не было.. Онъ растерялся, но, не желая терять лису изъ вида, давалъ Хану шенкеля и даже одинъ разъ ударилъ складнями. Ханъ старался во всю, и лиса отъ Аркадія была не больше полтораоста сажень. Онъ удивлялся, что дядя, вмѣсто того, чтобы скакать на него, или на лису, легкимъ наметомъ, скакалъ отклоняясь вправо и въ концѣ-концовъ совсѣмъ остановился. Аркадій скакалъ по лисѣ, не спуская съ нея глазъ.

Поперекъ хода лисы шла небольшая лощина. Лиса, покосивъ влѣво, на мгновение скрылась въ ней. Лощинка была неглубока и Аркадій былъ увѣренъ, что лиса сейчасъ должна идти по ровному мѣсту. Онъ доскакалъ до лощины, перескакалъ ее, и лису потерялъ изъ глазъ. Чуть не плача, онъ началъ сдерживать Хана. «Куда же она дѣлась», думалъ онъ. Онъ сталъ поворачивать лошадь направо, на дядю, и увидалъ, что тотъ скачетъ и травить. — Улю-лю! Улю-лю, ее, шельму! — доносилось до него отъ дяди. Онъ опять далъ Хану шенкеля и понесся на травлю. Но еще, далеко не доскакавъ, услышалъ: «Ого-го. Ого-го, Атланушка», а когда доскакалъ, то увидалъ, что Иванъ Павловичъ отбилъ отъ собакъ лису и готовился ее вторачивать, сбросивъ изъ тороковъ ранѣе затравленнаго русака.

— Съ полемъ, дядя,—радостно говорилъ онъ, спрыгивая съ лошади.—А я свою потерялъ, проглядѣлъ, должно быть, когда она черезъ лощинку мызнула,—говорилъ, волнуясь, Аркадій.

— Тамъ-то потерялъ, это вѣрно, а здѣсь вотъ у меня въ торокахъ нашелъ.—Это она самая. Я какъ увидалъ, что ты, елома голову, дуешь за ней, сначала по тебѣ скакалъ, а потомъ увидалъ, что отъ тебя лощинка идетъ вправо, забралъ вправо и сталъ дожидать ее на лощинѣ—прямо почти въ ноги пришла. А тебя она на лощинѣ-то надула. Лисица старая, опытная, она тебѣ побочила влѣво, а сама усѣла и пошла лощиной вправо. Она, братъ, всегда такъ дѣлаетъ. А гдѣ же твои собаки?

Аркадій разсказалъ про свою неудачу.

— А потому что пренебрегъ правиломъ: не бросай собакъ со своры, пока онѣ не видятъ звѣря. Я, братъ, сначала часто по полю ѣздилъ, и сгоряча собакъ проносилъ. Но за то теперь со мной этого случиться не можетъ. А теперь я къ тебѣ, Аркадій, долженъ, по обычаю борзятниковъ, какъ къ попу, подъ благословеніе подойти. Ну, да на первый разъ, такъ и быть—конфузить тебя не буду, а потомъ не пеняй:—буду все, что по статуту борзятниковъ полагается, до педантизма продѣлывать,—это хорошо воспитываетъ.

Иванъ Павловичъ, съ русакомъ и лисицей въ торокахъ, и Аркадій, съ завистью поглядывавшій на него, поѣхали на свои мѣста. Собаки къ Аркадію подрыскали; онъ ихъ взялъ на свору. Скоро степь съ бурьянами проѣхали и вышли на озимя.

Дядя остановился на мѣстѣ; всѣ стали подѣзжать къ нему.

— Съ полемъ.—поздравляли охотники Ивана Павловича.

— И васъ, Аркадій Петровичъ, можно съ маленькимъ полемъ поздравить,—началь Панфилъ...

— Что же, со всякимъ можетъ случиться, перебилъ его Аркадій.—Обманула! погоди: поѣзжу, научусь...

— Да они ничего не видали, и не знаютъ.—догадываясь, что Панфилъ и Аркадій толкуютъ, не понимая другъ друга, каждый о своемъ,—сказалъ дядя.

— Ну, какъ не видали,—что вы, баринъ! какой же я старый борзятникъ, чтобы не видать, какъ травять,—возражалъ, обидясь, Панфилъ. Все—видалъ. Принялъ я травить русака, Аркадій Петровичъ подбросили. Только, должно быть, лошадь ихъ подхватила и понесла, а собаки, смотрю, ужъ вмѣстѣ съ моими, русака такъ со щеки на щеку и дуютъ,—съ угонки на угонку. Русакъ-то попался матерый, а моя-то свора путемъ еще и отъ перваго не отдышалась. Моя «Пагуба» было заладила подъ русака-то, а «Отвага» броскомъ такъ и покатила съ русакомъ въ зубы. Позвольте-ка, я вамъ его второчу говорилъ Панфилъ,—поднося матераго русака Аркадію.

— Ну, видишь, Аркадій,—оказывается, отъ стараго борзятника не покрадешься,—все видитъ,—говорилъ, смѣясь, Иванъ Павловичъ, пока Панфилъ вторачивалъ русака Аркадію.

А другой разъ зря не скачите, надо по собакамъ,—говорилъ Панфилъ Аркадію,—а то по правилу будутъ дѣйствовать, такъ вы ничего не второчите. Торочить тотъ, кто отбиваетъ отъ собакъ, коли другой не видитъ, какая пойма. — Это вамъ только по младости уступочку дѣлаю—на первый разъ.

Аркадій былъ доволенъ, что и у него торока были не пусты.

Рѣшили ѣхать до дома. Иванъ Павловичъ приказалъ охотникамъ, если подозрять русака, не травить, а показать господамъ.

Пошли къ дому полями. На озимяхъ, Васька отъѣхалъ въ сторону линіи и поднявъ кверху арапникъ, остановился.

— Ну, Аркадій, ѣдемъ собакъ пробовать,—сказалъ Иванъ Павловичъ и приказавъ всѣмъ охотникамъ стоять. Вдвоемъ съ Аркадіемъ стали подъѣзжать къ русаку. Подъѣхали къ Васькѣ; тотъ молча указалъ впередъ.

— Ступай къ охотникамъ,—сказалъ ему Иванъ Павловичъ.

— Я, Аркадій, буду здѣсь опять стоять, а ты поѣзжай и поднимай; какъ увидишь, то не крадись къ нему, а подбери свору и крикни—онъ отъ крика вскочить. Да дай

ему расправиться—пусть сажень тридцать отойдет, тогда бросай.—Аркадій увидалъ русака, когда былъ отъ него саженьяхъ въ пятнадцати; тотъ лежалъ въ бороздѣ, задомъ къ нему. Сердце Аркадія билось.—Еще бы!—это будетъ его первый русакъ, котораго онъ будетъ травить своими собственными «борзыми»....—Онъ подобралъ свору и крикнулъ. Русакъ сжался. Аркадій повернулся и посмотрѣлъ на дядю. Тотъ стоялъ отъ него саженьяхъ въ пятидесяти.

— Ну, вставай, косой..—Русакъ вскочилъ и, подпрыгнувъ, сдѣлалъ задними ногами козелка, какъ бы ударивъ въ воздухъ одной ногой другую. Собаки Аркадія взвизгнули, задержанныя на сворѣ. Русакъ, увидавъ собакъ, приложилъ одно ухо на спину, а другое поставилъ колышкомъ, и пошелъ козликомъ, подпрыгивая.

— А ну-ка его,—крикнулъ Аркадій, отдавая свору и толкая Хана. Собаки, ухо въ ухо, заложились по русаку. Разстояніе между русакомъ и собаками быстро сокращалось.

— А ту его!—кричалъ Аркадій.

Подходя къ русаку, «Отвага» надала и хотѣла броскомъ схватить его. Русакъ усѣлъ въ сторону и «Отвага» пронеслась мимо, «Наглець» чуть не схватилъ русака изъ-подъ угонки «Отваги», но также промахнулся. Русакъ сѣлъ на межу. Въ это время «Язва», рыскавшая за дядей безъ своры, пронеслась мимо Аркадія и чуть не захватила русака, давъ ему страшную угонку, но не сдержалась сама и покатила кубаремъ черезъ голову. Изъ-подъ этой угонки, справившаяся послѣ угонки «Отвага» покатила черезъ голову съ русакомъ въ зубахъ.—«Ого-го, ого-го, Отвагушка! Милая, ого-го»,—кричалъ, подскакивая, Аркадій.

Русака онъ принялъ, откололъ и давъ стечь крови, отпазанчилъ (разорвавъ пазанки), далъ собакамъ, не обдѣливъ и Язvu.

Второчилъ русака, теперь уже второго, онъ, довольный, расцѣловалъ дядю за собакъ.

Онъ былъ на седьмомъ небѣ и думалъ, конечно:—какое же сравненіе можетъ быть—охота съ борзыми и ружейная?!—Это—какъ небо отъ земли.

До перваго октября Аркадій ѣздилъ съ дядей въ на-

ѣздку, а съ Яковомъ Ивановичемъ—подъ гончими и на подывѣ волковъ. Онъ дѣлался, къ удовольствію дяди, настоящимъ борзятникомъ, и даже въ пролетъ вальдшнеповъ по нимъ охотился сравнительно мало.

Перваго октября выѣхали съ гончими. Но такъ какъ, наканунѣ, волковъ почему-то не провѣрили,—а Иванъ Павловичъ любилъ на нихъ охотиться навѣрняка,—то поѣхали въ тѣ острова, гдѣ были только лисы.

— Мы, Аркадій, съ тобой станемъ отъ Барсучьяго. Лиса будетъ проситься туда,—потомъ учто Бахчевъ угорь—отъемъ хотя и крѣпкій, но небольшой, а главное, что со стороны Мокраго на двѣ версты озимя. А къ Барсучьему, хотя до него и три версты, но около двухъ верстъ залежи, и звѣрь охотнѣе пойдетъ залежами, чѣмъ озимями. Только стоять придется въ полѣ въ бурьянахъ. Русаковъ, конечно, травить не надо,—звѣрь будетъ навѣрно. Островъ ты знаешь, ты тамъ не разъ стрѣлялъ куропатокъ. Съ какого конца хочешь стать,—съ пріѣзда или подальше?—Всю обочину будемъ беречь въ три своры.

— Я, дядя Ваня, если можно, сталъ бы въ срединѣ.— Онъ хотѣлъ такимъ маневромъ высмотрѣть, какъ будетъ стоять первый охотникъ, въ какомъ разстояніи отъ острова, и за какимъ прикрытіемъ, чтобы ему стать тамъ же.

— Хорошо, тогда я стану съ пріѣзда, ты въ срединѣ, а Панфила я пошлю въ конецъ.

Утромъ рано пошли со стаей гончихъ на Бахчевъ. Яковъ Ивановичъ остался со стаей, не доѣзжая острова, въ полуверстѣ на бугрѣ. Четыре своры поѣхали занимать лѣвую обочину отъ Мокраго, а Иванъ Павловичъ, Аркадій и Панфилъ, поѣхали по бурьянамъ на свои лазы, съ правой обочины отъ Барсучьяго.

Немного проѣхавъ, дядя остановился. Отъ Бахчева это было въ полуверстѣ. Онъ сталъ за терновымъ кустомъ. Аркадій отъѣхалъ отъ дяди немного болѣе полуверсты и сталъ искать прикрытія.

Сажень сто сзади былъ кустъ терновъ; Аркадій поѣхалъ туда и сталъ за нимъ. Справа онъ видѣлъ Панфила, тоже притаившагося за терновникъ, слѣва, за дядею,

стоявшаго за кустомъ. Впереди виднѣлась опушка Бахчева, и отъ нея шли сплошныя залежи, которыя тянулись и сзади его болѣе, чѣмъ на версту, а за ними были озими, и вдали опушка Барсучьяго.

Залежи мѣстами были страшно густы, мѣстами же рѣже, но рѣдкихъ мѣстъ было меньше, чѣмъ густыхъ.

— Показывать собакамъ будетъ трудно, соображалъ онъ. Но ничего, не надо только горячиться.

Раздался рогъ дяди—сигналъ набрасывать гончихъ. Аркадій видѣлъ, какъ Яковъ Ивановичъ съ двумя выжлятниками, Васькой и Гришкой, шелъ къ острову скорой ходь. Вотъ псарь съ выжлятниками скрылись подъ изволокъ.

Снимаютъ смычки,—сейчасъ набросать.

День былъ ясный, тихій и теплый. Въ воздухѣ тонкими нитями тянулись паутина. На сухой травѣ, противъ солнца, ея нити серебрились; какъ бы тончайшая серебряная сѣть лежала на травѣ и тихо-тихо колебалась вмѣстѣ съ ней отъ малѣйшаго движенія вѣтерка.—Тенетника много, подумалъ онъ,—значить, осень будетъ долгая и ведренная. Дай-то Богъ!—поохотиться можно будетъ всласть.

Звукъ хлопка арапника нарушилъ тишину.

— Поди, полазай,—донеслось чуть слышно до него. Порсканіе псарей началось. Вотъ отозвалась одна гончая.

Это Кашмишка, она всегда добываетъ первая,—думалъ онъ. Онъ сталъ ждать звѣря, пристально глядя по бурьянамъ.

— Какъ бы не прозѣвать,—опасался онъ.—Теперь дядя не проститъ, а попроситъ благословить.

Гончая шла доборомъ, а къ ней скоро подвалила вся стая. По лисѣ гонять. Сердце Аркадія стучало, въ глазахъ отъ напряженія стояли слезы—онъ былъ вниманіе и волненіе. Борзые, до гона лежавшія спокойно, вскочили и прислушивались. Ханъ, настороживъ уши, поводилъ ими и тоже пристально смотрѣлъ впередъ. Видно было, что и онъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ и собаками, раздѣляетъ ихъ волненіе.

Гонъ шелъ во всю. Аркадій посмотрѣлъ на дядю и

Панфила; тѣ стояли, какъ изваянія. Гонъ, какъ казалось Аркадію, приближается къ опушкѣ, борзые натянули свору и дрожали.

Онъ увидѣлъ, что на опушкѣ сбиваютъ гончихъ. Значить лису изъ острова выперли; но гдѣ же она? Дядя и Панфилъ стоятъ неподвижно, значить она гдѣ-нибудь у него. Онъ еще пристальнѣе смотритъ, но въ глазахъ красные и желтые круги, и слезы застилаютъ и мѣшаютъ смотрѣть. Онъ смахнулъ ихъ рукой. Неужели прозѣвалъ?—Нѣтъ, не можетъ быть этого.—Но вдругъ онъ почувствовалъ, что Ханъ вздрогнулъ, и подѣ лѣвой ногой Аркадій слышалъ какъ бьется сердце Хана. Что это? Ханъ повернулъ голову налѣво. Аркадій посмотрѣлъ по этому направленію и увидѣлъ, саженьхъ въ пятидесяти, по бурьянамъ мелькаетъ лиса.—Милый, спасибо!—мысленно поблагодарилъ онъ Хана. Въ одинъ моментъ онъ тронулъ Хана. Соображая, что если онъ сразу пуститъ Хана во всю, то лисица усядетъ и обманетъ его, онъ рѣшилъ скакать наметомъ, и только когда лисица будетъ на озимяхъ, сбросить собакъ со своры и дуть во всю.

Собаки прыгнули, но не видали лисы. Аркадій молча скакалъ, не теряя лисы. Лиса, отдѣлавшись отъ гончихъ, шла хотя и хорошими, но не полными ногами къ озимямъ, не видя Аркадія, пригнувшагося на сѣдлѣ, къ самой шеѣ Хана.

Наконецъ, лиса на озимяхъ; теперь уже она не вернется. Аркадію оставалось доскакать до озимей сажень полтора. Онъ, отдавъ свору, выпустилъ Хана, далъ ему еще шенгеля, и понесся все еще молча, прямо на лису. Собаки, не видя лисы, скакали рядомъ. Недолго, меньше ста сажень, осталось бурьяновъ.—Врешь, не уйдешь,—теперь дѣваться некуда.

Но вдругъ изъ-подъ самыхъ ногъ Хана, какъ изъ щели выросъ, вскочилъ русакъ. Борзые кинулись за нимъ. Русакъ успѣлъ и пошелъ обратно къ Бахчеву, а по рѣдкимъ бурьянамъ успѣлъ отдѣлиться отъ собакъ.

— Куда. Назадъ. Назадъ. Улю-лю!—кричалъ растерявшійся Аркадій.

Но собаки уже били русака съ угонки на угонку. Аркадій доскакалъ до озимей. Лисица была отъ него саженьяхъ въ ста, какъ на ладони. Онъ услышалъ крики русака. Лисица стлалась по озимямъ во всѣ ноги. А его собаки въ бурьянѣ заловили русака и душили его.

Состояніе Аркадія можетъ понять только охотникъ, борзятникъ. Онъ чуть не плакалъ отъ огорченія и досады. Сдержалъ Хана и, повернувъ къ собакамъ, поѣхалъ рысью.

— Господи! да за что же?...

Голова его совершенно не работала. Онъ не соображалъ ничего. Передъ глазами его еще была лиса, катившая по озимямъ, и этотъ проклятый русакъ, испортившій ему и охоту и настроеніе. Онъ, второчивъ зайца, поѣхалъ на рысяхъ къ дядѣ.

— Милый дядя,—опять несчастье,—я...

Онъ ему торопливо разсказалъ, какъ было дѣло, и что онъ не виноватъ. Онъ такъ умно все сдѣлалъ, и, не выскочи этотъ проклятый русакъ, лиса была бы у него въ торокахъ.

— Какъ не виноватъ!..—не сбрасывалъ бы собакъ раньше, пока не покажешь лису, то русакъ бы ушелъ нетравленный, а лиса была бы въ торокахъ... Опять правилъ не соблюдаешь. Однако, братъ, поѣзжай на свой лазь, это тоже правило: нельзя оставлять лаза, пока гончихъ не вызовутъ.

Аркадій на рысяхъ поѣхалъ и сталъ опять у своего куста. Гончія опять гоняли. Аркадій похлопалъ любовно за услуги Хана по плечу и сталъ опять напряженно ждать. Онъ посматривалъ на сосѣдей.

Вдругъ дядя повернулъ Тумана налѣво и поскакалъ, по обыкновенію, наметомъ. Аркадій не выдержалъ и, тронувшись на рысяхъ, вѣхалъ на курганчикъ; оттуда видно было ему дядю. Ни собакъ, ни звѣря, за бурьянами видно не было. Онъ видѣлъ, что дядя скачетъ по направленію къ озимямъ; потомъ слышалъ: кто-то,—не дядя, а другой, кричалъ «тю-тю, тю-лю!»—Дядя повернулъ направо. А въ томъ направленіи, куда раньше скакалъ дядя, по озимямъ, что-то бѣжало. Онъ видѣлъ потомъ, какъ дядя вернулся, не останавливаясь у своего куста, подаль голосъ вызывать гончихъ и уѣхалъ къ нему.

— Что ты, дядя, травилъ?—спросилъ онъ.

— Да что,—чортъ знаетъ, какой скандалъ! Шла на меня лисица; я ее замѣтилъ рано, пропустилъ въ задъ, толкнулъ за ней, но она меня не видитъ и идетъ прямо къ Барсучьему.—Ну, думаю, ладно, кума, теперь не уйдешь!—Скачу. Собаки, конечно, на сворѣ. Осталось бурьяновъ проскакать сажень пятьдесятъ; я со своры сбросилъ. Теперь ужъ дѣваться некуда. Тумана выпустилъ, какъ слѣдуетъ... А тутъ, чортъ принесъ мужичонку съ собакой; онъ лису-то увидалъ. и ну тюлюкать; собаки мои на его тюлюканье изъ бурьяновъ вынеслись, воззрились въ его собаченку, да къ нему. Она увидала ихъ, да къ мужику. Собаки за ней. А лиса и ушла нетравленная,—такая досада.

— Какъ же правило-то?—спросилъ Аркадій: не сбрасывать собакъ, пока не укажешь звѣря.—Забылъ? а еще старый охотникъ!...

— Правиль?—А ты знаешь поговорку «нѣтъ правила безъ исключенія»?—сказалъ Иванъ Павловичъ.

— Эту знаю, но знаю и другую, дядя. Есть еще поговорка: «Чему посмѣешься —тому и поработаешь».

